

«Я ОБРЕЧЕН НА ПОДВИГ...»

(Об одном стихотворении Александра Яшина)

Большая редкость, но бывает так, что поэт в одном стихотворении может поведать самое сокровенное о своей жизни. У Яшина такая исповедь есть. Пройти мимо нее нельзя.

*Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел свободно
Не в силах изменить,*

*Что этот трудный жребий,
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять...*

Жизнь и литературная судьба А.Яшина полна событий, точно и многообразно подтверждающих искренность этих слов. Они появились в 1966-м году. Яшин, по-видимому, предчувствует необходимость окончательных итогов. Подлинный поэт, к горьчайшему сожалению, часто бывает пророком своей судьбы. Примеров этому много. Предельность земного бытия заставляет вложить в одно из стихотворений такую объемность мысли, чувства, что дает возможность говорить о духовном завещании творца. Поэт раскрывает сущность своей жизни, облекая в стихи свое миропонимание. В этом урок для потомков, в этом сила исповедальности. Что в ней?

Предполагаю, что стихотворение могло не состояться, если бы Яшин не нашел чеканной формы первой строки. Здесь заряд необыкновенной силы. Появляется встревоженность мысли. И правда, что такое обречение на подвиг? Есть ли в этом норма бытия? И есть, наконец, **право** сказать такое от первого лица? Поэт мог и не задавать себе таких вопросов, но мы-то обязаны. В них разгадка смысла, потребность осознания явления.

Обречение на подвиг... Собственно, у подвига - две ипостаси. По одной он совершается как бы случайно, в силу трагических обстоятельств. Такое бывает в бою. Или на пожаре. А есть иная сущность подвига. Мужественное, извилистое, на грани исчерпания духовных, телесных сил движение к цели, которой, возможно, и достичь не удастся. В любом случае, подвиг - пример редкий, в сущности, противоречащий логике жизни.

Александр Яшин испытал оба пути к состоянию, которое можно определить, как подвиг. Первое, конечно, настигло на войне. Он не готовился стать воином. В 41-м закончен Литинститут, определен выбор жизненной дороги: он - поэт! И тут война. Все ломается, но решение принимается сразу. Уже 22 июня Яшин записывает в дневнике: «Решил быть на войне, все видеть, во

всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно. Надо быть впереди, быть везде, чтобы после, если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время я что-то упустил.» Яшин пытается объяснить свое стремление пойти на войну лишь профессиональным интересом, его слова лишены пафоса, «высоких» слов, которые, возможно, уместны в такие минуты. Но самое поразительное, что нет тени сомнения в истинности поступка, нет попытки **другого** решения, хотя выбор всегда предполагает варианты...

*Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.*

*Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу,
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.*

На войне Яшин не совершил яркого подвига, который занесут на скрижали истории. Но о природе подвига он размышлял, попытался дать свое объяснение этой ипостаси явления. Правда, в поэзии, по преимуществу для газет и листовок, такие размышления не нашли своего места. Но дневник сохранил их. Там есть поразительные по искренности места. «*Впервые побывал в бою.* Немцы шли, видимо, «психической» атакой. Собой доволен, держался хорошо... Все было не так, как представлялось, и ощущения не такие, каких ожидал. Мне не удалось пострелять.» А в другом месте еще более сильное признание: «Ненавижу наших поэтических мальчишек, которые, сидя в тылу, пишут: «Я сам колол штыком...». Жалко, что сам написал еще слишком мало. Есть и тщеславные мысли: среди поэтов и писателей нет Героев Советского Союза; умереть или стать первым Героем.»

Тут мы вспомним, что подвиг - это запредельность бытия. Пожалуй, ни у кого из писателей военного лихолетья, подобное откровение не встретишь. У Яшина же есть внутреннее ощущение того, что он **способен** на поступок, на самоотвержение своей плоти, ради чего-то высшего, что понимаю обычного сознания не подвластно. Возможность подвига в себе, как духовная твердыня характера, понималась Яшиным потом, видимо, всегда. Первый толчок был, конечно, получен на войне.

Война - это потрясение. Страна, народ, каждый человек после нее понимает необходимость изменения взгляда на жизнь. Яшин тоже пережил такое состояние личности. Но не сразу. Мужество потребовалось в иных «баталиях». И тут мы сразу должны сказать, что судьба заставит принять поэта и другую ипостась подвига, которая выражена, как духовное служение делу, самолично принятое на себя творцом. Яшину хватило мужества пройти этот путь до конца.

Истинное служение литературе - всегда удел очень сильных и нравственно цельных людей. Недавно Ю.Бондарев по этому поводу с горечью признал, что на литературном поприще всегда есть победители и побежденные. Даже первостатейный талант еще не гарантия от поражения. Даже если Александр Яшин так не думал, в своих размышлениях он мог подходить к такому выводу.

Вспомним всю судьбу в русской поэзии Александра Яшина. На первых порах ничто не говорит о том, что его ждут серьезные испытания. Наоборот, в некотором смысле - он баловень судьбы. Ранний успех, «быстрая» первая книжка, учеба в Москве, легкое, видимо, почти безболезненное вхождение в круг молодых литераторов предвоенного времени... Стихи вызывают интерес у читателя. Это достаточно самобытная стилизация фольклора, удачные «вирши» о советском образе жизни. Так, может быть, начинали многие, но ведь не все добивались успеха. У Яшина, повторимся, он был.

Но что скрывать, литературная судьба поэта разрублена на две далеко неравноценные части. А рубез между ними не совсем обычен - Сталинская премия за поэму «Алена Фомина». Знать бы нам, сколько возжеланий, зависти вызывало у многих литераторов того времени это официальное признание заслуг. Яшин не обошел такого обольщения власти. Он принял премию за «чистую» монету.

Но дальше происходит, на первый взгляд, необъяснимое. Что-то заставляет поэта изменить свое миропонимание. Что? Едва ли это какое-то одно событие. Потрясение могла вызвать любая малость, на посторонний взгляд, житейская мелочь. Но это на взгляд обывателя. Поэт - душа ранимая, впечатлительная. Вот штрих того состояния. Яшин вспоминал: «Получил я премию за «Алену Фомину», купил «Победу» и поехал к своим землякам-вологодцам. Хвалиться. Собирать дань славы. Приехал, а там голод...до сих пор, как вспоминаю, так и краснею».

*У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.*

Яшин в 50-е годы переживает кризис мировоззрения. Его дневник полон наблюдений, размышлений о несоответствии реальности и того, о чем ему «даровано» разрешение сказать. Пропасть между печатным словом и правдой жизни видится поэту столь глубокой, что выход только в одном - найти возможность выразить свое понимание правды. Сначала «Рычаги», потом - «Вологодская свадьба» - вершины в духовном обновлении Яшина. И поэзия уже другая, за которую премий тогда не присуждали.

В чем подвиг Яшина? Ведь в той или иной мере, каждый истинный талант способен на духовное обновление. Дело, видимо, в том, как это обновление сказывается на творческом поведении писателя, как он сумеет его реализовать в практике литературной работы. И в жизни, конечно. Дневник поэта полон душевных мук от того, что он не может преодолеть планку своих возможностей (или запредельности?), на которые он способен. Он все время подвигает себя на тяжелый труд, ежедневность усилий. Даже болезнь тут не должна быть помехой.

Но еще большее страдание, душевную муку вызывает непонимание тех, о ком хочется кричать во весь голос - своих читателей. Яшин, как известно, не так остро перенес журнальную «промывку» критики, как «письма земляков». Даже они не поняли страстности, «другого» взгляда на свою жизнь. Об одном эпизоде поведал в своих воспоминаниях Ф.Абрамов. Писатель гостил у Яшина в Блуднове. И вот Александр Яковлевич повел его знакомить с персонажами «Вологодской свадьбы». Яшин очень хотел показать гостеприимство родственников, обещая славное застолье. А их даже чаем не напоили, что

считалось чуть не за самое сильное оскорбление в крестьянскому быту... Мог ли поэт, переполненный любовью к родине, своему народу, землякам, не заметить такое отношение к себе? Нет, конечно. От этого нравственные мучения только усиливались.

*А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.*

*Как рыцарь старомодный
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?*

Какие горькие вопросы! Эх, много ли в русской литературе уходящего века встретишь такого мужества исповедь. Как трудно признаются ошибки. А ведь Яшин ошибки не совершил! Может быть, его прозрение оказалось преждевременным? Или слишком запоздалым для читателя? Мы имеем возможность дать оценку потомков. И должны признать, что мужество поэта в том и заключалось, что он сумел в себе (и в нас, конечно) пробудить токи самопознания истины, ставшей очевидной для всех лишь спустя годы. Подвиг первопроходца не менее многотруден, чем доблесть солдата. Может быть, это еще больше понимал Александр Яшин:

*Земли не чужа сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.*

Нет, конечно, необходимости упрощать стихию поэтического вдохновения. Едва ли в коротких заметках можно объяснить всю смысловую палитру даже и одного стихотворения. Толкования допустимы. Но не настолько, чтобы не появилось точек соприкосновения. И главное в том, что нет случайности в том, что именно у Яшина появилось такое стихотворение, которое многое может рассказать о его жизни, духовном подвиге поэта. Оно останется навсегда!